

дворцовые винные погреба, или ведавшими дворцовым хозяйством. Очень возможно, что этими же лицами, которые вполне могли происходить из какой-нибудь области Парфянского царства, где в той или иной степени господствовал арамейский язык, надписи и составлялись.

3. Почти все нисийские надписи, обнаруженные как в 1948—1949 гг., так и в 1951 г., датированы I в. до н. э.¹

И. И. Вилликов

ИСТОЧНИКИ КОРНЕЛИЯ ТАЦИТА И КАССИЯ ДИОНА ПО ИСТОРИИ ПОХОДОВ КОРБУЛОНА В АРМЕНИЮ

Середина I в. н. э. ознаменована острейшим кризисом римской политики на Востоке. Система обороны римского Востока, созданная Августом, одним из важнейших элементов которой было поддержание римского влияния в Армении с помощью римских ставленников на ее престоле, потерпела крах. Последний царь, посаженный на армянский престол волею Рима, Тигран VI, достигший власти в результате покорения Армении Гнеем Домицием Корбулоном, удержался в стране не долго. Успешные действия армянских и парфянских войск в борьбе с Римом и дипломатические переговоры, которые вел парфянский царь Вологес I с Корбулоном, привели к тому, что борьба двух держав за Армению закончилась компромиссом: Армения досталась царю из рода Аршакидов, но продолжала оставаться в номинальной зависимости от Рима. Это определило взаимоотношения Римской империи с Арменией и Парфией на весь последующий период вплоть до походов Траяна, а отчасти и позже, когда Адриан отказался от завоеваний своего предшественника, до конца II века.

В сохранившихся до настоящего времени источниках имеются только два более или менее связанных повествования о походах Корбулона в Армению — в сочинениях Корнелия Тацита и Кассия Диона. Однако оба эти автора, особенно Дιον, жили значительно позже описываемых ими событий, и потому чрезвычайно важно установить степень достоверности их известий и те тенденции, которыми проникнуты их труды по истории 50—60 гг. I в. нашей эры.

Первостепенное значение имеет прежде всего установление источников, к которым восходят повествования обоих авторов в отношении указанного периода.

Из трудов Корнелия Тацита (55 — после 112)² для истории восточной политики

¹ Исключение составляет лишь одна, обнаруженная в 1951 г., надпись, которая датирована 76 г. аршакидской эры. Датировка I в. до н. э. большинства изученных документов признана в настоящее время всеми советскими учеными, занимавшимися этим вопросом (см. ВДИ, 1953, № 1, стр. 169; № 4, стр. 115—116).

² Тацит родился не позже 55 г. В 74—75 гг. (Tac., Dial., 17). он — *iuvenis admodum* (Dial., 1) К этому подходят сведения о карьере Тацита (Hist., I, 1, 3; Ann., XI, 11, 1) и о его браке (Agr., 9). Впрочем, *cursus honorum* не дает достаточной опоры для определения года рождения великого писателя. С другой стороны, Тацит родился не раньше 55 г. (P. I. n., Ерр., VII, 20). Год смерти Тацита неизвестен. Обычно считают, что он умер после 115 г., так как в его сочинении упоминаются завоевания Траяна (Tac., Ann., II, 61, 2). Возможно, однако, что в данном случае идет речь не о Персидском заливе, а об Аравийском (современное Красное море), и имеется в виду покорение Аравии в 106 г. При таком толковании это место не имеет никакого значения для определения продолжительности жизни Тацита, так как Тацит упоминается в надписи Дасумия (EIL, 314), относящейся к 109 г., а его проконсульство в Азии падает примерно на 112—113 гг. Судя по размерам его сочинений, можно предполагать, что он жил еще долго спустя.

Римской империи при Нероне наиболее важны «Истории» («Historiae»), написанные около 107 г.¹ (они состояли из 12 или 14 книг; сохранившиеся книги охватывают события 69 и отчасти 70 гг.), и так называемые «Annales»², составленные после «Историй»³) их было 16 или 18 книг⁴, из которых сохранились первые четыре, фрагменты V, в значительной части VI и текст с середины XI до середины XVI книги, обрывающийся на последних годах правления Нерона).

Долгое время Тацит считался непререкаемым авторитетом, и отпечаток его воззрений лежал на всей новой историографии империи⁵, пока под влиянием гиперкритицизма, с одной стороны, апологетического направления, стремившегося к оправданию первых императоров, оклеветанных, по мнению представителей этого направления, сенатской историографией, с другой, восторженное преклонение перед Тацитом не сменилось резко скептическим отношением к его известиям. Апологетическое направление, сыгравшее в данном случае главную роль, получило особенное развитие во французской историографии периода второй империи, а затем в немецкой буржуазной историографии времени второй Германской империи. Освобождение от авторитета Тацита Г. Шиллер считает одной из главных задач своего труда⁶; обвинения Тацита в «партийности» (ук. соч., стр. 139) и в небрежном пользовании источниками (стр. 478) встречаются у него постоянно⁷. Это мнение совершенно несправедливо. Не говоря уже о том, что Тацит прекрасно видел тенденциозность направления сложившейся при Флавирах историографии, резко враждебного императорам предшествующей династии (Tac., Hist., I, 1, 4—2), сам он является наиболее осторожным и добросовестным историком ранней империи. Это видно, например, из того, что, несмотря на враждебное отношение Тацита к Нерону, версия его в ряде случаев является наиболее благоприятной для этого императора⁸. Если у Тацита и встречаются отдельные ложные сообщения, особенно в истории Тиберия⁹, этого далеко не достаточно, чтобы брать под сомнение

¹ «Истории» написаны после 98 г., ибо в них говорится о «божественном Нерве Кесаре» (Tac., Hist., I, 1, 4). Датировка по Naase: так как Тацит говорит о том, что он «принципат божественного Нервы и империю Траяна ...отложил до старости» (I, 1, 4), то, очевидно, он был еще далек от нее, когда писал это. С другой стороны, намерение написать историю Траяна могло возникнуть только тогда, когда прошла значительная часть его правления. Разумеется, дата почти произвольна, ибо составляет среднее арифметическое между началом правления Траяна и предполагаемым началом старости Тацита.

² Настоящее заглавие, повидимому восходящее к автору, — «Книги от смерти божественного Августа» («Ab excessu divi Augusti libri»).

³ Tac., Ann., XI, 11, 1. Обычная опора датировки «Анналов» (II, 61, 2) указывает только на то, что они написаны после 106 г.

⁴ Число книг в обоих трудах предположительно. Иерониим упоминает историю Кесарей от смерти Августа до смерти Домициана в 30 книгах, написанную Тацитом (Comm. in Zach., III, 14, 1—2).

⁵ Ср. Н. А. Машкин, История древнего Рима, 1949, стр. 26.

⁶ H. Schiller, Geschichte der römischen Kaiserzeit, I, 1, Gotha, 1883, стр. V.

⁷ Стремление унижить авторитет Тацита доходило у некоторых новых авторов до признания «Анналов» и «Историй» подделкой Поджо Браччолини, см. P. Noshagt, De l'authenticité des Annales et des Histoires de Tacite, 1890. Из новых авторов Ошару следует А. Древе: если в более ранних изданиях своего труда (А. Древе, Миф о Христе, II, 1924, стр. 29) он заподозрил лишь одну главу (Tac., Ann., XV, 44), то в одноименном совершенно переработанном издании этой книги (1926) А. Древе наряду с другими взаимоисключающими гипотезами высказывает предположение, что «Анналы» и «Истории» целиком сфабрикованы в XV в. (стр. 74—82).

⁸ Tac., Ann., XIV, 9, 1 — ср. Suet., Nero, 34, 4; Tac., Ann., XIV, 51, 1 — ср. Dio, LXII, 13, 3; Tac., Ann., XV, 39, 3 — ср. Suet., Nero, 38, 2.

⁹ Например, Tac., Ann., I, 4, 4, в сравнении со Suet., Tib., 11, 1—3. Но и здесь обычное для Тацита применение косвенной речи.

и все остальные его известия. Не случайно поэтому для большинства историков Тацит остается главным и наиболее надежным источником¹.

Мировоззрение Тацита достаточно известно. Его характерные черты — восхваление минувшего времени, идеализация стоиков, которых он считает воплощением добродетели (Тас., *Ann.*, XVI, 21, 1), порицание императоров, склонность к морализированию — важно отметить здесь потому, что они своеобразно отразились в суждениях Тацита о событиях на Востоке.

Поскольку Тацит не является современником событий, описываемых в «Анналах», вопрос о его источниках становится весьма важным. Теория единого или хотя бы главного источника, которому Тацит якобы рабски следовал, лишь время от времени проверяя его при помощи других (особенно ярким сторонником этой теории является Фабиа²), представляет собой образчик гиперкритического отношения к Тациту. Эта теория полностью противоречит фактам и в настоящее время почти никем не разделяется³. На множественность источников Тацита указывает хотя бы то, что он постоянно ссылается на нескольких историков⁴. Тацит упоминает «ежедневную записку о случившемся»⁵, комментарий сената⁶, а из историков главным образом Фабия Рустика⁷, Клувия Руфа⁸ и Плиния Секунда⁹. Впрочем, приемы исторической критики у Тацита довольно примитивны и сводятся к сопоставлению версий без попытки самостоятельного решения¹⁰. Тацит обычно прибегал к сильному сокращению источников; так, например, записки Корбулона были, судя по ссылкам у Плиния (см. ниже), гораздо обширнее, чем соответствующее им повествование Тацита.

Являясь все же превосходным источником для событий, которые произошли в самом Риме, Тацит значительно уступает в качестве историка восточных провинций и восточной политики Рима. Помимо того, что Восток лежит за пределами его основных интересов, Тацит, повидимому, никогда не был восточнее провинции Азии и не представлял как следует местных условий. Географические известия Тацита о Востоке отличаются неясностью, восстановить по его описаниям маршруты походов трудно; он вынужден был принимать топографические данные своих источников, не имея возможности и не пытаясь проверить их (*Ann.*, XV, 5, 2). Наконец, в описании стран Востока у него попадаются просто басни (*Ann.*, XII, 13, 3; *Hist.*, V, 6, 3), а суж-

¹ Ср. В. H e n d e r s o n, *The life and Principate of the Emperor Nero*, L., 1903, стр. 11; 14. Советская историография дает в общем положительную оценку Тацита как источника по истории ранней империи — см., например, Н. А. М а ш к и н, ук. соч., стр. 23—26.

² Ph. F a b i a, *Les sources de Tacite dans les Histoires et les Annales*, P., 1893, стр. 384 сл.

³ В. H e n d e r s o n, ук. соч., стр. 11. Даже Н. S c h i l l e r, *Geschichte des römischen Kaiserreichs unter der Regierung des Nero*, B., 1872, стр. 7, вообще весьма критически относящийся к Тациту, склонен допускать пользование его большим количеством источников, чем это было принято среди римских историков этого времени.

⁴ Т а с., *Ann.*, II, 88, 1; III, 3, 2; XIII, 20, 2; XIV, 2, 1—2; *Hist.*, II, 37, 1.

⁵ Т а с., *Ann.*, III, 3, 2: *diurna actorum scriptura*. Нечто, напоминающее газету.

⁶ Т а с., *Ann.*, XV, 74, 3 и, возможно, II, 88, 1. Значение сенатских протоколов в особенности отстаивал Th. M o m m s e n, *Gesammelte Schriften*, VII, B., 1909, стр. 253—263 (см. W. S c h u r, *Untersuchungen zur Geschichte der Kriege Corbulos*, «Клио», XIX, 1925, стр. 88). Именно потому, что они являлись важным источником Тацита, многие смысловые отрывки заканчиваются у него перечислением почестей, декретированных Кесарю сенатом. Например, Т а с., *Ann.*, XIII, 41, 4; XV, 74, 1; 3. Более того, можно предположить, что комментарии сената составляют остов, вокруг которого группируются по связи все повествования.

⁷ Т а с., *Ann.*, XIII, 20, 2; XIV, 2, 2; XV, 61, 3.

⁸ Т а с., *Ann.*, XIII, 20, 2; XIV, 2, 1—2.

⁹ Т а с., *Ann.*, XIII, 20, 2; XV, 53, 3; *Hist.*, III, 28.

¹⁰ Т а с., *Ann.*, XIII, 20, 2; ср. Н. А. М а ш к и н, ук. соч., стр. 26.

дения Тацита об истории и нравах иудеев (Hist., V, 2—4) показывают, насколько мало он был знаком с предметом.

В основе рассказа Тацита о войнах за Армению при Нероне лежат записки Корбулона. О существовании этого сочинения известно из ссылок на него у Плиния (NH I, 5—6; V, 83; VI, 40) и Тацита (Ann., XV, 16, 1). Судя по тому, что к произведению Корбулона были приложены карты (Plin., NH, VI, 40), оно не было автобиографией, как думал Гутшмид¹, а представляло собой донесения сенату² и несколько напоминано, следовательно, комментарии Юлия Цезаря о галльской войне. Два рассказа о войне с парфянами, сохранившиеся до сих пор, восходят к нему³. Это предположение, высказанное впервые Эгли⁴ и Гутшмидом (ук. соч., стр. 131), полностью подтверждается особенностями повествований, которые сохранились до настоящего времени. Не говоря об оправдании Корбулона и порицании Кесенния Пета, которое могло принадлежать и тем, кто использовал Корбулона, а не ему самому, способ изложения предполагает человека, следившего за ходом военных действий непосредственно из ставки. Гирканское посольство упоминается впервые на возвратном пути, когда оно получает охрану от Корбулона (Tac., Ann., XIV, 25, 2), Тигран — после прибытия в Тигранокерту (Tac., Ann., XIV, 26, 2), Фарасман — при нападении его в помощь Корбулону на Армению⁵. Произведение Корбулона не носит следов литературной или летописной обработки: то, что в изложении Тацита оно разделено на пять рассказов, вставленных в аналитическую схему и условно приуроченных к тому или иному году, позволяет заключить, что и первоначально оно не было единым, а представляло собой отдельные донесения, в разное время приходившие в Рим⁶. Комментарии Корбулона содержали подробное описание военных действий и обширные топографические сведения, опущенные Тацитом и частично сохранившиеся у Плиния. Им не чужды были не только ошибки (Plin., NH, VI, 40), но и заведомая ложь⁷.

¹ A. G u t s c h m i d, Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden, Tuebingen, 1888, стр. 131.

² Th. M o m m s e n, Gesammelte Schriften, VII, 261; W. S c h u r, «Klio», XIX, 76.

³ T a c., Ann., XIII, 6—9; 34, 2—41, 3; XIV, 23—26; XV, 1—17; 24—31; Dio, LXII, 49—23.

⁴ E. E g l i, Feldzüge in Armenien von 41—63 n. Chr., URK, I, 1868, стр. 333—343; см. W. S c h u r, «Klio», XIX, 75.

⁵ T a c., Ann., XIII, 37, 3. О Фарасмане см. А. И. А м и р а н а ш в и л л, Иберия и римская экспансия в Азии (К истории древней Грузии), ВДИ, 1938, № 4, стр. 161 слл.

⁶ Установление характера записок Корбулона принадлежит В. Ш у р у («Klio», XIX, 83; 88—89). С ним нельзя согласиться по двум вопросам: невозможно полностью отрицать зависимость первого тацитовского стрывка (Ann., XIII, 6—9) от записок Корбулона (W. S c h u r, «Klio», XIX, 96), поскольку изложение носит явные следы композиции историка по двум источникам (T a c., Ann., XIII, 9, 3), которыми могли быть только донесения Корбулона и легата Сирии Уммидия Квадрата. Утверждать, что в основе рассказа Кассия Диона лежали единое издание или единая обработка записок Корбулона (W. S c h u r, «Klio», XIX, 96), невозможно из-за неясности промежуточных ступеней между Корбулоном и Дионом и состояния, в котором находится текст греческого историка.

⁷ Расстояние от Нисбии до Тигранокерты (о местоположении Тигранокерты см. Я. А. М а н а н д я н, Тигран Второй и Рим в новом освещении по первоисточникам, Ереван, 1943, стр. 63—65) определяется в 37 000 шагов (T a c., Ann., XV, 5, 2), т. е. гораздо меньше настоящего. Уменьшая расстояние, Корбулон представлял более значительной свою заслугу в том, что ему удалось добиться соглашения с наступающим парфянским царем. Очевидно, Корбулон не менее других римских полководцев был склонен к преувеличению своих успехов (ср. T a c., Ann., XII, 40, 1). См. H. D e s s a u, Geschichte der römischen Kaiserzeit, II, 1, В., 1926, стр. 136. Впрочем, K i e p e r t

Помимо Корбулона Тацит при изложении событий парфянской войны 50—60 гг. I в. н. э. пользовался и сочинениями своих предшественников — современников Нерона — Марка Клувия Руфа и Гая Плиния Секунда. Марк Клувий Руф (около 1 — после 70 г.), консуляр, близкий ко двору нескольких императоров, в том числе Нерона¹ и Авла Вителлия², после 70 г. написал историю времени от смерти Августа до победы Веспасиана. Она отличалась более благоприятным отношением к императорам, чем это характерно для других историков этого времени, и относительным беспристрастием; Тацит, который два раза ссылается на нее (Ann., XIII, 20, 2; XIV, 2, 2), предпочитает Клувия другим историкам. Новую точку зрения на Клувия высказал Шур³. Он считает Клувия Руфа главным источником Тацита в истории парфянской войны, приписывает ему летописную обработку записок Корбулона и возводит к нему все те места, где проявляется отрицательное отношение к полководцу (Tac., Ann., XV, 6, 1—2; 10, 4). Эта точка зрения любопытна, однако единственные аргументы в пользу нее — близость Клувия к Нерону и важность Клувия для Тацита в истории придворных событий — все же недостаточны для того, чтобы ее доказать⁴. Без сомнения, отрывок, говорящий о толках в Риме после соглашения Корбулона с Вологесом (Tac., Ann., XV, 6, 1—2), не восходит к Корбулону, но принадлежит ли он Клувию или другому историку — трудно решить, хотя первое наиболее вероятно.

Более известный теперь в качестве естествоиспытателя Гай Плиний Секунд (23/24—79 г.)⁵ был в действительности прежде всего государственным деятелем и историком своего времени. На его историю ссылается Тацит (Ann., XIII, 20, 2; XV, 53, 3; Hist., III, 28), и сам Плиний несколько раз упоминает ее в своем сохранившемся труде (NH, praef., 20; II, 199; 231). Она начиналась «с конца Авфидия Басса»⁶, т. е. с 47 г. н. э., и состояла из 31 книги (Plin., Epp., I I, 5). История Плиния выходила в свет по частям: книги, посвященные Нерону, появились между 68 и 77 гг.⁷, а те, в которых излагалась история Флавиев, изданы в последние два года жизни или после смерти писателя (Plin., NH, praef., 20). Вынужденный обратиться к грамматике в последние годы Нерона, когда ожесточенная борьба между принцем и сенатом делала занятию историей опасными (Plin., Epp., III, 5), он излил с наступлением нового периода весь свой гнев против принцеса. О ненависти Плиния к Нерону можно судить даже по его «Естественной истории». Он отказывает ему в его новом родовом имени, называя его Домицием (Plin., NH, IV, 10), сопоставляет его с Гаем (XXXVI, 113) и подчер-

(см. С. F. L e h m a n n - H a u p t, Tigranokerta, RE, VIA, 1, 1936, стб. 987) предлагал читать в соответствующем месте Тацита не septem et triginta, а centum et triginta.

¹ Tac., Hist., IV, 43, 1—2; S u e t., Nero, 21, 2; D i o, LXIII, 14.

² Tac., Hist., II, 65, 1—2; III, 65, 2.

³ W. S c h u r, Die Orientpolitik des Kaisers Nero, 1923, стр. 23, 26; о н ж е, «Кlio», XIX, 79—80; 82.

⁴ H. S c h i l l e r, ук. соч., стр. 23 слл.; Ph. F a b i a, ук. соч., стр. 376—380; 402—404; см. W. S c h u r, «Кlio», XIX, 82.

⁵ Родился между 24.VIII 23 г. и 24.VIII 24 г. (P l i n., Epp., III, 5), умер 24.VIII 79 г. (VI, 16). Ср. D i o, LXVI, 21, 1.

⁶ P l i n., Epp., III, 5: a fine Aufidii Bassi; P l i n., NH, praef., 20.

⁷ После 68 г. (P l i n., NH, II, 199) и до «Естественной истории» (II, 199; 231; perfectum в обоих случаях; было бы нелепо ссылаться на еще никому не известный труд). Средние книги «Естественной истории» написаны уже к концу 77 г. XIV, 45; XXVIII, 12: 830 лет от основания города; VII, 162: не позже 77 г. XIV, 45; с 1 июля 73 г. (EIL, 919 = CIL, II, 185) по 74 г. (C e n s., De die nat., 18, 14: люстр этого ценза падает на V консульство Веспасиана и III консульство Тита, т. е. на 74 г.; см. H. S c h i l l e r, GRK, I, 2, Gotha, 1883, стр. 514). См. A. J. a T u r r e R e z z o n i c e n s. Disquisitiones Plinianae, I, стр. 172—174; Ph. H. K ü l b, Введение к переводу C a j u s P l i n i u s S e c u n d u s, Naturgeschichte, I, Stuttgart, 1840, стр. 38—39.

кивает его губительное влияние на дела¹. Плиний имел большое значение для последующей традиции², хотя Тацит с известным недоверием относится к его сообщениям (Ann., XV, 53, 3—4). Особенно он важен, как будет показано ниже, как источник Кассия Диона.

Плиний безусловно пользовался записками Корбулона. Его сближали с Корбулоном не только аристократическая солидарность, но, возможно, и личные связи, на что, насколько известно, до сих пор не обращалось внимания. На это нет прямых указаний в источниках, но Корбулон и Плиний одновременно служили в Германии³, и Плиний посетил страну хавков (Plin., NH, XVI, 2), с которыми воевал Корбулон (Tac., Ann., XI, 18, 1—2). Его, уже тогда задумавшего написать историю войн с Германшей (Plin., Err., III, 5), не мог не занимать полководец, пытавшийся идти по следам Клавдия Друса и Луция Домиция, деда Нерона. Рассказ о деятельности Корбулона в Кельтике у Диона (LX, 20, 4—6) настолько близок к Тациту (Ann., XI, 18—20, 2), что они несомненно имели общий источник. Таким источником могла быть скорее всего написанная Плинием история германских войн (Plin., Err., III, 5), труд, который уже в IV в. было почти невозможно достать⁴. Влияние Плиния на Диона несомненно, а Тацит (Ann., I, 69, 2) сам ссылается на это сочинение. Все это, в сочетании с приводившимися выше ссылками Плиния в «Естественной истории» на Корбулона, позволяет думать, что военные действия Корбулона на Востоке были описаны Плинием в своей истории достаточно подробно и что он опирался при этом на записки Корбулона.

Хотя Тацит не всегда относится с полным доверием к известиям записок Корбулона (XV, 16, 1; 3), все же несомненно, что его труд проникнут глубоким сочувствием к полководцу. По словам Тацита, с его назначением «казалось, открыто место для доблестей»⁵, в лице Корбулона выступает идеальный образ древнего военачальника⁶. Личная доблесть и победы Корбулона, желание противопоставить его Нерону, впрочем недостаточное отчетливо проведенное в сочинении Тацита, близость Корбулона к стоическим кругам были причиной высокой оценки его историком. Его появление перед войсками производит сильное впечатление (Tac., Ann., XIII, 8, 3). Его меры по поднятию дисциплины описываются с увлечением (XIII, 35, 1; 3—4). Точно так же, как и у Плиния, подвергается порицанию Пет, «которому достаточно было бы для славы, если бы он считался ближайшим»⁷ к Корбулону. Таким образом, основная тенденция рассказа Тацита — корбулоновская⁸.

¹ Plin., NH, XXXVI, 124. Впрочем, у современных историков ненависть Плиния к Нерону преувеличена: W. S c h u r, Die Orientpolitik des Kaisers Nero, стр. 68, приписывает ей намеренное искажение истины по вопросу о местоположении Каспийских ворот (критику взглядов Шура по этому вопросу см. Я. А. Манадяна, Цельских ворот (критику взглядов Шура по этому вопросу см. Я. А. Манадяна также мало убедитель- стр. 68—70, хотя положительные построения Я. А. Манадяна также мало убедитель- ны), а противник Шура J. G. C. A n d e r s o n, The Eastern Frontier from Tiberius to Nero, САН, X, 1934, стр. 779, намерение Нерона вести войну в Эфиопии считает злобой выдумкой Плиния, который наделял Нерона всевозможными нелепыми замыслами.

² Некоторые, впрочем несправедливо, считают даже, что Тацит через Плиния знал Фабия Рустика и Клувия Руфа (A. M o m i g l i a n o, Nero, САН, X, стр. 702).

³ Плиний с 45 по 51 г. служил под начальством Публия Помпония Секунда, легата Верхней Германии, Корбулон с 47 г. был легатом Нижней Германии (T a c., Ann., XI, 18, 1—2).

⁴ S u m m., Err., IV, 18; см. Ph. H. K ü l b, ук. соч., стр. 34.

⁵ T a c., Ann., XIII, 8, 1: videbaturque locus virtutibus patefactus.

⁶ Об идеализации Тацитом отдаленного прошлого Рима ср. Н. А. М а ш к и н, ук. соч., стр. 24.

⁷ T a c., Ann., XV, 6, 4: cui satis ad gloriam erat, si proximus haberetur.

⁸ Пристрастное отношение Тацита к Корбулону отмечено еще Т. М о м м з е н о м, История Рима, V, М., 1949, стр. 351; 355. С ним, однако, не во всем можно со-

И все же в рассказе Тацита встречаются места с остро враждебным отношением к Корбулону. Тацит наряду с благоприятным для Корбулона мнением о переговорах 61 г. приводит и отрицательное. «Сражения отложены совершенно, чтобы... Корбулон не подверг опасности заслуженную во столько лет славу»¹. На Корбулона ложится часть вины в неудаче Пета. «Корбулон не спешил [идти на помощь Пету], так как с увеличением опасностей возрастает и слава помощи» (Тас., Анн., XV, 10, 4). Если второе место можно отнести за счет собственных рассуждений Тацита, то первое, пересказывающее разговоры, ходившие в Риме летом 61 г., должно восходить к одному из его источников. Этим источником не могли быть записки Корбулона; это вытекает из общей тенденции данного отрывка, а также из того, что в записках Корбулона не могли описываться события, которые происходили в Риме. Очевидно, источником Тацита послужил один из использованных им историков. Шур («Клио», XIX, 78—79) отвергает влияние Плиния на историю парфянской войны у Тацита и источником «Анналов» считает историю Клувия Руфа (стр. 80, 96). Воздействие Плиния отвергается на том основании, что в повествовании Тацита нет специально плиниевых черт: цельного рассказа², характеристики Корбулона, контраста с Нероном. Однако эти аргументы мало убедительны, поскольку наличие у Плиния цельного рассказа сомнительно, а характеристика Корбулона, вероятно, имелась и у Тацита³. Что же касается противопоставления Нерона Корбулону, то известный оттенок его есть и у Тацита, а отсутствие более резкого контраста можно объяснить как большей умеренностью историка, так и утерей последних книг его труда. Поэтому полностью отвергать влияние Плиния на Тацита в истории парфянской войны времени Нерона не представляется возможным, тем более что вообще использование Тацитом Плиния несомненно, причем некоторые даже считают его главным источником Тацита по истории гражданской войны⁴; возможно, что к Плинию восходил благоприятный ответ Нерона парфянским послан (Тас., Анн., XV, 25, 3).

К Плинию, однако, не может восходить пересказ неблагоприятных для Корбулона суждений о соглашении 61 г., высказывавшихся в это время в Риме, и потому

гласиться. Говоря о переговорах 61 г., он пишет (стр. 351): «Тацит не решается сказать прямо, что Армения была отдана Тиридату, и предоставляет сделать такое заключение самому читателю». В действительности, и это место не противоречит корбулоновской концепции Тацита. Рассказав о соглашении, Тацит далее говорит (Анн., XV, 6, 1): «большинство превозносило это, как исполненное вследствие страха, который испытывал: парь (formidine regis), и угроз Корбулона, и как величественное». Это мнение, подтверждающее сказанное в предыдущей главе, и является главным для Тацита. Однако, как честный историк, он не может скрыть, что было и другое, и считает своим долгом его привести. С другой стороны, Т. М о м з е н (ук. соч., V, стр. 353) обвиняет Тацита в противоречии, так как тот говорит, что Пет не запаса провиантом в достаточной мере (Тас., Анн., XV, 8, 1) и что неудачливый полководец сдал лагерь с огромным количеством провпанта (XV, 16, 1). Однако эти известия относятся к разным походам Пета и потому не содержат в себе ничего несовместимого.

¹ Тас., Анн., XV, 6, 2. Тацит пересказывает толки в Риме, которые сопровождали выведение Корбулоном войск из Армении, причем некоторые полагали, что стремление Корбулона уклониться от войны с парфянами объясняется страхом потерять славу, приобретенную в результате командования в Германии и успешных кампаний 58—59 гг. в Армении.

² По мнению Шура, история парфянской войны была обработана Плинием в виде единого рассказа, поставленного под 64 г.

³ Характеристика деятеля обычно присоединяется у Тацита к повествованию о его смерти (Hist., III, 75, 1; 86, 1—2), а рассказ о гибели Корбулона приходится на утраченную часть «Анналов».

⁴ A. N i s s e n, Die Historien des Plinius, RhM, NF, XXVI, 1871, стр. 532—533; F. M ü n z e r, Eine «echt taciteische» Wendung, «Hermes», XXXIV, 1899, стр. 64; W. S c h u r, «Klio», XIX, стр. 78.

приходится допустить зависимость Тацита от Клувия Руфа, который, будучи близок ко двору Нерона, вероятно, не разделял восторженного отношения Плиния к Корбулону. То, что Клувий Руф является одним из важнейших предшественников Тацита, было известно еще и до Шура¹; Шуру принадлежит положение о том, что Клувий Руф является главным источником Тацита по истории парфянской войны. К сожалению, это положение недостаточно обосновано, и его единственной опорой является рассказ о толках в Риме после соглашения 61 г. (Тас., *Ann.*, XV, 6, 1—2). Оно только наиболее вероятно. Стремление во что бы то ни стало доказать это положение приводит исследователя к странным преувеличениям². Но Шур идет еще дальше: он отрицает пользование Тацита первоисточниками — комментариями сената и донесениями Корбулона³ — и считает, что Тацит читал их в обработке Клувия Руфа. Главным аргументом Шура является несоответствие хронологии Тацита действительной хронологии: Тацит, по мнению Шура («Klio», XIX, 95—96), использовал чужую летописную схему.

Вопрос о хронологии Тацита сложен. События лишь приблизительно связаны с теми годами, под которыми они находятся. Иногда Тацит сам указывает на это (*Ann.*, VI, 38, 1; XII, 40, 5; XIII, 9, 3). Они соединяются смысловой, а не хронологической связью⁴. События на Востоке сочетаются в отдельные повествовательные единицы, причем наиболее важное из них побуждает Тацита отнести рассказ к одному какому-либо году⁵. События парфянской войны, разделенные у Тацита на пять рассказов, тоже подчиняются этому правилу. Первый отрывок (XIII, 6, 1—9, 3), помещенный под 54 г., содержит события конца этого года и частично захватывает следующий (XIII, 9, 3). Второй рассказ помещен под 58 г. применительно к сенатскому заседанию после взятия Артаксаты, столицы Армении, но содержит в себе и факты, относящиеся к предыдущим годам (XIII, 34, 2—41, 4). Между вторым и третьим рассказом годовой перерыв, совершенно не оправданный, ибо поход на Тигранокерту примыкает непосредственно к взятию Артаксаты⁶. Третий отрывок, помещенный под 60 г., явно содержит рассказ о событиях двух лет⁷. Четвертый рассказ находится под 62 г., но

¹ В. Н е n d e r s o n, ук. соч., стр. 11.

² Трудно заметить в рассказе, заимствованном предположительно от Клувия Руфа (Тас., *Ann.*, XV, 6, 1—2), противопоставление Кесаря, как представителя римских интересов, легкомысленному Корбулону (W. S c h u r, «Klio», XIX, стр. 79), странно видеть в осторожности Тацита (отсутствие у Тацита известия о проведении левитионов Пета под ярмом, как у Светония, и об обещании Пета отдать Армению Тиридату, как у Диона: *Ann.*, XV, 14, 3; сомнение в отдельных сообщениях записок Корбулона: XV, 16, 3) стремление к оправданию Пета (W. S c h u r, «Klio», XIX, 81) или считать, что, по мнению Тацита, соглашение 63 г. (*Ann.*, XV, 29, 1—3) является позорным миром (W. S c h u r, «Klio», XIX, 81). При этом Шур как будто не замечает известия Тацита об ответе Нерона парфянским послам (*Ann.*, XV, 25, 3), поскольку это место у Тацита не укладывается в рамки его схемы. Здесь он вступает в противоречие со своими собственными общими взглядами на парфянскую политику Нерона: если считать данный ответ подлинным (W. S c h u r, *Die Orientpolitik des Kaisers Nero*, 28) и Корбулона действующим согласно с намерениями правительства, то враждебное отношение Клувия-Тацита к Корбулону непонятно.

³ Об источниках Тацита ср. Н. А. М а ш к и н, ук. соч., стр. 25—26.

⁴ Под 49 г. говорится (Тас., *Ann.*, XII, 23, 1—2) о смерти Агриппы (44 г.: I o s., *Ant.*, XIX, 350—351), упоминается возобновление *salutis augurium*, бывшее в 47 г., и расширение померия, бывшее в 49 г. (EIL, 843 = ILSAC, I, 710; см. Н. S c h i l l e r, ук. соч., I, 1, 331).

⁵ Примеры: междоусобия Готарза и Вардана (Тас., *Ann.*, XI, 8, 2—10, 4), заключение Радамиста Ибера (XII, 44, 1—51, 4).

⁶ Тас., *Ann.*, XIV, 23, 1: «а Корбулон после разрушения Артаксаты, думая воспользоваться недавним ужасом для занятия Тигранокерты...».

⁷ Тас., *Ann.*, XIV, 23, 1—26, 2. Взятие Тигранокерты осенью после жатвы (XIV, 24, 2; 4). Поход в Северную Армению — на следующий год (XIV, 26, 1).

охватывает то, что произошло по меньшей мере за два года¹. И только пятый рассказ, посвященный событиям весны и лета 63 г., помещен в повествовании Тацита соответственно (XV, 24, 1—31). Все рассказы восходят к нескольким донесениям Корбулона. Совершенно не обязательно предполагать, что они прошли через руки Клувия Руфа. Наоборот, искажение в них истинной хронологии заставляет думать, что их вставка в анналистическую схему принадлежит скорее не современнику Клувию, а самому Тациту². Место второго, третьего и пятого рассказов определяется временем прибытия донесений Корбулона в Рим³. Первый рассказ, составленный по нескольким источникам и только частично восходящий к Корбулону, помещен под 54 г. для того, чтобы при его помощи показать успешность мероприятий Сенеки и Бурра в области восточной политики. Четвертый рассказ должен был бы быть помещен под 63 г., когда впервые в Риме узнали о неудаче Пета (XV, 24, 1—2). Но именно потому, что он слишком велик и что об этих событиях было живое сообщение Пета, относящееся к 62 г. (XV, 25, 1), Тацит счел нужным перенести содержание соответствующего донесения Корбулона из 63 г. в 62 г.

Хронология Тацита достаточно запутана, она требует тщательного исследования и проверки при помощи надписей. Все же суждения Шура о ней слишком резки («Клио», XIX, 89; 94).

Таким образом, можно установить три основных источника Тацита в истории восточной политики Нерона: Корбулона, у которого он взял основное содержание своего повествования, Плиния, от которого он заимствовал некоторые подробности, и Клувия Руфа, которому он, вероятно, обязан теми известиями, которых не могло быть в записках Корбулона⁴.

От времени между Тацитом и Дионом не сохранилось ни одной связной истории походов Корбулона в Армению. Сочинение Светония⁵ «О жизни Цезарей» («De vita Caesarum») проявляет в данном случае одну из своих типичных особенностей — полную зависимость от источников⁶. Войнам в Армении посвящено несколько строк, совершенно лживых (Suet., Nero, 39, 1). Светоний взял это известие из какого-то антинероновского памфлета⁷, несмотря на то, что в первой части оно содержит вымысел⁸, а во

¹ Та с., App, XV, 1, 1—17, 3. Упоминание зимы (XV, 8, 2).

² W. S c h u r, «Клио», XIX, 82, преувеличивая влияние Клувия на Тацита, сам приходит к теории единого источника, которую он отрицает.

³ Т. М о м з е н (ук. соч., V, стр. 349) считает, что при описании походов, которые длились несколько лет, Тацит предпочитает забежать вперед. Но ряд примеров подтверждает противоположное мнение. События в Германии (Та с., App., XIII, 53, 1—57, 3), начинающиеся с 54 г. (упоминание вала, пачатого за 63 года до того Друсом; XIII, 53, 2), рассказаны под 58 г., двухлетняя деятельность Гая Светония Павлина, легата Британии (Agr., 14) — под годом его отозвания (App., XIV, 39, 3).

⁴ Например, письмо Пета (Та с., App., XV, 8, 2). Распределение материала между Корбулоном и Клувием в рассказе Тацита, выясняющееся на основании содержания отдельных отрывков, неожиданно подтверждается одним формальным признаком. Название Artaxata везде, где Тацит зависит от Корбулона, употребляется во множественном числе (XIII, 39, 6; 41, 1—2; XIV, 23, 1), во всех остальных случаях — в единственном (II, 56, 3; VI, 33, 1). Название Tigranocerta во всех местах, заимствованных от Корбулона, употребляется в единственном числе (XIV, 24, 4; XV, 4, 2; 5, 2; 4). В местах, взятых из Клувия — во множественном (XV, 6, 9; 8, 1). Единственное исключение (XIV, 23, 1) — вследствие уподобления.

⁵ Общая его характеристика: А. Г. Б о к ц а н и н, Римские историки эпохи империи (Веллей Патеркул, Публий Корнелий Тацит, Гай Светоний), ИЖ, 1940, № 1, стр. 111—118.

⁶ Ср. об этой особенности Н. А. М а ш к и н, ук. соч., стр. 26.

⁷ Но, вероятно, не из Плиния. D i o, LXII, 21, 2—4.

⁸ Та с., App., XV, 15, 2. Ложное мнение Светония стало, однако, обычным в позднейшей традиции (E u t r., VII, 14).

второй — преувеличение. Несколько подробнее известия Светония о приезде Тиридата в Италию (Него, 13) и военных приготовлениях последних лет Нерона (19), дающие кое-что, отсутствующее в других источниках.

После Светония латинская историография не дает для рассматриваемого вопроса почти ничего. Отдельные известия о времени Нерона содержат поздние латинские компиляции «Бревиарий римской истории» («Breviarium historiae Romanae») Эвтропия (о Нероне — VII, 14—15) и сочинение Аврелия Виктора «О Кесарях, или вторая часть сокращенной истории от Августа Октавиана, то есть с конца Тита Ливия, вплоть до десятого консулата Констанция Августа и третьего Юлиана Кесаря», восходящие к одному более древнему и неизвестному источнику¹, относящемуся, видимо, ко времени Антонинов или Северов.

На греческом языке появилась в середине II в. «Римская история» (Ῥωμαϊκῆ) Аппиана², одна из книг которой, называвшаяся «Гекатонтаэтия» (Ἑκατονταετία), была посвящена войнам императоров после присоединения Египта (App., III., 29) и, таким образом, должна была содержать и рассказ о парфянской войне 50—60 гг. I в. н. э. Эта книга, однако, не сохранилась.

Второй более или менее связный рассказ о походах Корбулона в Армению принадлежит Кассию Диону. «Римская история» (Ῥωμαϊκῆ) Кассия Диона Коккеяна (около 161 — после 229), состоявшая из 80 книг, сохранилась далеко не полностью. Книжки LXI — LXXX, начиная со времени Клавдия, утеряны почти целиком, и в средних книгах тоже имеются пробелы³. В «Историю» Диона вложено много труда, но автора

¹ Б. И з е, Очерк римской истории и источниковедения, СПб., 1910, стр. 369. Ср. о них П. А. М а ш к и н, ук. соч., стр. 31—32.

² Общую характеристику Аппиана см. О. И. С е в а с т ь я н о в а, Аппиан и его «Римская история», ВДИ, 1950, № 2, стр. 253—262.

³ Утраченное восстанавливается сокращением Ксифилина, извлечениями Зонары, константиновскими экцерптами и теми данными, которые сохранились в византийских хрониках. Сокращение Иоанна Ксифилина было составлено в 1071—1078 гг. под заглавием: «Эпитома римской истории Диона Никейского...» (Ἐπιτομή τῆς Δίωνα τοῦ Νικαίου Ῥωμαϊκῆς ἱστορίας...). Ксифилин наиболее верно следовал Диону, и его сокращение составляет основу современного текста греческого историка начиная с LXI книги. Мнение, что Ксифилин пользовался сокращением Диона, а не полным текстом (С. W a c h s m u t h, Einleitung in das Studium der alten Geschichte, Lpz. 1895, стр. 598; К. К r u m b a c h e r, A. Ehrhard, H. Gelzer, Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527—1453), HKA, IX, 1, 1897, стр. 370; см. U. Ph. B o i s s e v a i n, Praefatio к изданию «Cassii Dionis Cocceiani historiarum Romanarum quae supersunt», ed. U. Ph. Boissevain, II, Berolini, 1898, стр. XXVI), неосновательно (U. Ph. Boissevain, ук. соч., стр. XXVI). Иоанн Зонара (? — после 1118), последний из эпитоматоров Диона, пересказывал в своей хронике отрывки из него, но пользовался и другими источниками. Его данные важны для пополнения соответствующих мест Ксифилина. Из византийских хронографов, использовавших Диона, особенно важен Иоанн Антиохийский, составивший после 610 г. всемирную историю, пересказывая Диона и других писателей, пользуясь также греческим переводом Эвтропия. Выдержки из него сохранились в экцерптах, сделанных при Константине Порфирогените (905—959) под заглавием «О заговорах» (Περὶ ἐπιβουλῶν). Для истории восточной политики Нерона важен отрывок о Терентии Максиме, бросающий свет на смысл римско-армянского договора (см. Dio, LXVI, 19, 3^b—5^c). Ко времени Константина Порфирогенита относится и составление сборников извлечений под заглавиями: «О доблести» (Περὶ ἀρετῆς; Вазелианские экцерпты), «О посольствах народов к римлянам» (Περὶ πρὸς βραχίων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους) и «О посольствах римлян к народам» (Περὶ πρὸς βραχίων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικούς; и то и другое — Урсинианские экцерпты). Они сохранили в отрывках Диона важные сведения о восточных делах при Нероне.

нельзя причислить к великим историкам. Его рассуждения плоски, его историческая критика примитивна (Dio, LIV, 15, 2—3). Как и у предшествующих историков империи, его внимание приковано к Риму, и события вне его рассказываются в той последовательности, в какой весть о них достигала Рима (например, LIV, 18, 1; LXII, 19, 1). Главный интерес проявляется Дионом к нравственному облику людей, причем особенно подчеркиваются их отрицательные стороны. Хорошо известны, в частности, резко неприязненные характеристики, даваемые Дионом Цицерону и Сенеке. В этих настроениях человека, изверившегося в людях, нашел отражение сумрачный пессимизм Диона и его современников из сенаторского сословия, переживших правления Коммода, Каракаллы и Элагабала, видевших ожесточенные солдатские мятежи, свирепые казни представителей знати, нарастающее ослабление империи. Дион суеверен (например, LIII, 20, 1; 33, 5). Уроженец эллинистического Востока, современник Северов, он не всегда достаточно хорошо понимает чуждую ему обстановку раннего принципата. Его известия о вопросах государственного строя не всегда достоверны, тем более что передача им по-гречески римской политической терминологии не отличается последовательностью. В речах действующих лиц Дион не только случайно, но и сознательно нередко уклонялся от обстановки описываемого им времени; так, известная речь Мецената предвосхищает многое из последующего развития принципата вплоть до времен самого Диона и из сенаторских проектов времен Севера Александра. Дион пишет анналы и старается строго соблюдать летописный порядок (LIII, 22, 1). Его хронология в основе надежна, но ему можно сделать тот же упрек, что и Тациту: события вне Рима располагаются по связи между собой, и для их датировки Дион не дает никакой опоры; так, например, весь рассказ о походах в Армению при Нероне приведен под 64 годом.

Дион пользовался исключительно литературными источниками. Хотя он и говорит, что прочел «все, так сказать, кем-либо о них [о римлянах] написанное» (фр. 1, 2), но обычно Дион клал в основу какого-либо отрезка своего труда один источник и следовал ему. Для первого столетия империи он основывался главным образом на произведениях сенаторской историографии, и в его труде отразились ее взгляды, которые лишь внешне совпадали, особенно на эллинистическом Востоке, с настроениями провинциальной землевладельческой знати времени Северов, сложившейся под сенью монархического режима¹. В истории Нерона основным источником Диона является Плиний. Однако текст греческого историка представляет собой не перевод латинского писателя, а лишь извлечение из него.

Первым, кто основательно доказал зависимость Диона от Плиния, был Герке². Именно от Плиния идет то неприязненное отношение к Нерону, которым проникнуто повествование Диона³. Отсюда осуждение Нерона Тиридатом (LXIII, 6, 4)—обычный аристократический прием вроде письма Артабана Тиберию (Suet., Tib., 66)—вкладывание в уста «варвару» горьких истин о повелителе римского мира. Повествование о походах Корбулона у греческого историка тоже без сомнения восходит к Плинию и через него к Корбулону, причем в коротком отрывке истории современника Северов сохранился рассказ, наиболее близкий к духу первоисточника. Повествование Диона обнаруживает многочисленные плиниевы черты. Характеристика Корбулона обращается в панегирик: «ибо подобно первым из римлян он был не только славен ро-

¹ Общую характеристику Диона см. Н. А. М а ш к и н, ук. соч., стр. 30—31.

² А. G e r k e, Seneca-Studien, 1895, стр. 159 сл.; см. W. S c h u r, «Klio», XIX, 78. В отношении самой идеи Герке, однако, опирался и на предшествующие исследования (H. C h r i s t e n s e n, De fontibus a Cassio Dione in vita Neronis enarranda adhibitis, В., 1871, стр. 63—73, но не D. D e t l e f s e n, Ueber des älteren Plinius Geschichte seiner Zeit und ihr Verhältniss zum Tacitus, «Phil.», XXXIV, 1876, стр. 40—49, как пишет W. S c h u r, «Klio», XIX, стр. 78, так как Detlefsen разбирает лишь взаимоотношения между Плинием и Тацитом).

³ Например, D i o, LXIII, 8, 1: «Нерон же не пошел против него [Вологеса]... ни против эфиопов или Каспийских ворот...; ..., видя, что это требует и времени и труда, надеялся, что они сами собой покорятся ему...».

дом и крепок телом, но и благоразумен в душе; и был весьма мужествен и весьма справедлив и верен всем, и домашним и врагам» (Dio, LXII, 19, 2). Самое перечисление добродетелей показывает, что в основе этого отрывка лежал латинский подлинник¹. Построение образа Корбулона по контрасту с Нероном несомненно, но упоминание о нежелании Корбулона стать императором имеет, возможно, не только риторический смысл². И в дальнейшем повествовании Диона постоянно проступает Плиний, а через него сам Корбулон. В переговорах 61 г. Вологес, потерпев неудачу, первый обращается к Корбулону, и тот заставляет его очистить Армению³. Нерон отвергает правильные действия Корбулона и вместо этого отправляет в Армению Пета⁴. Расположение к Корбулону переходит у автора в остро враждебное отношение к его сопернику. Неудачливый полководец заключает соглашение на условии «оставить всю Армению и что Нерон даст ее Тиридату»⁵. Корбулон двигается на помощь Пету «с невероятной быстротой»⁶. Картина встречи представляет собой риторически обработанное измышление автора⁷. В 63 г. Корбулон вынуждает Вологеса к соглашению (Dio, LXII, 23, 1), а не соглашается на предложение парфян (Тас., Анн., XV, 27, 1). Корбулон заключает договор с врагом, сообразный достоинству римлян⁸. Наконец, сам Вологес приходит к Корбулону и дает ему заложников⁹. Таковы своеобразные черты повествования, сохраненного греческим историком. Все отклонения Диона от Тацита, кроме самых мелких¹⁰, выдают их происхождение от Плиния и неисправленного Корбулона. Тенденциозность изложения несомненна, но она вовсе не лишает данный источник ценности: рассказ Диона древнее, чем рассказ Тацита, ближе к первоисточнику — и потому решать во-

¹ τὸ ἀνδρεῖον — virtus, τὸ δίκαιον — iustitia, τὸ πιστόν — fides, но не pietas, как W. S c h u r, «Klio», XIX, 76. Virtus и iustitia определены (см. Н. А. М а ш к и н, Принципат Августа, М.—Л., 1949, стр. 314—316), а в известной мере и fides — императорские добродетели.

² См. W. S c h u r, «Klio», XIX, 77. По мнению Шура, «этот контраст недостойного монарха с героем, которому подобал трон, настолько важен для автора, что он в конце корбулоновского эпизода еще раз возвращается к нему». См. D i o, LXII, 23, 5. Хвалебные черты биографии Корбулона в рассказе Диона заставили некоторых исследователей предположить, что в основе повествования лежит не историческое сочинение, а laudatio Corbulonis (S c h o o p o v e r, A study of Cn. Domitius Corbulon as found in Annals of Tacitus, 1909). Обширный исторический материал, содержащийся в рассказе, не позволяет сделать этого заключения.

³ D i o, LXII, 20, 4; у Тацита (Ann., XV, 5, 1) переговоры начинается Корбулон (у Диона — только вторая половина соответствующей главы Тацита). Дион молчит о выводе римских войск из Армении Корбулоном (Тас., Ann., XV, 6, 2).

⁴ D i o, LXII, 20, 4. У Тацита очень глухо (Ann., XV, 7, 1).

⁵ D i o, LXII, 22, 2. У Тацита нет последнего условия (Ann., XV, 14, 3). Это место в особенности подтверждает то, что автор следовал запискам Корбулона (см. Ann., XV, 16, 1).

⁶ D i o, LXII, 22, 1; Тас., Ann., XV, 14, 1; 16, 1.

⁷ D i o, LXII, 22, 1: «когда же они действительно сошлись друг с другом, заметили бы величайшее различие войск и военачальников, одних радующихся и блистающих усердием, других же опечаленных и стыдящихся соглашения». См. Тас., Ann., XV, 16, 4.

⁸ D i o, LXII, 20, 1: ἀξιώμα — dignitas, но также и auctoritas (см. Н. А. М а ш к и н, Принципат Августа, стр. 358).

⁹ D i o, LXII, 23, 4; Тас., Ann., XV, 31: Вологес находился в Экбатанах.

¹⁰ Остальные отклонения Диона от Тацита: столкновение Пета с Вологесом при его вылазке в направлении Тигранокерты (D i o, LXII, 21, 1; Тас., Ann., XV, 8, 1—2), визит посла (Монес), отправленного Вологесом к Корбулону после раннейшего поражения (D i o, LXII, 22, 2; Тас., Ann., XV, 17, 3), сведения об Аннии Винкиане (D i o, LXII, 23, 6), которые могли содержаться в исчезнувших книгах Тацита.

прос о достоверности того или иного сообщения приходится в каждом случае отдельно. Трудно установить композицию повествования Плиния о Корбулоне. По мнению Шура («Клио», XIX, 77), оно было разработано в виде единого рассказа, нарочито приуроченного к императорскому провозглашению 64 г. Повествование сознательно, в целях противопоставления Нерона и Корбулона, поставлено между великим пожаром (Dio, LXII, 16—18) и заговором Гая Пизона (LXII, 24—27)—двумя самыми трагическими событиями нероновского принципата. Однако трудно представить, что в истории, состоящей из 31 книги и охватывающей промежуток в 30 лет, Плиний кратко изложил десятилетнюю парфянскую войну в одном месте, присоединив ее к последнему императорскому провозглашению. Кроме того, в конце рассказа говорится: «и за это Нерон многократно провозглашен императором» (LXII, 23, 4). Это было бы бессмыслицей в устах римлянина, если эти несколько провозглашений не отнести ко всем событиям парфянской войны. Эти слова можно объяснить только тем, что Дион собрал в одно место рассказы об отдельных событиях войны с Парфией, находящиеся под соответствующими императорскими провозглашениями, и поместил их в связи с последним. Место же, в котором находится это повествование, объясняется тем, что десятое императорское провозглашение произошло именно между пожаром 19.VII 64 г. (Тас., Ann., XV, 41, 2) и заговором Пизона в 65 г. (XV, 48, 1). Таким образом, текст Диона представляет собой не перевод с незначительными сокращениями, как думали Герке¹ и Шур, а сильно сокращенное и в отдельных случаях отличное по композиции изложение известий римского историка. Некоторые другие особенности дионовского текста также говорят в пользу этого.

Для вопроса об источниках Диона в истории Нерона важное место занимает его отношение к Сенеке: ни у одного из сохранившихся римских историков не проявляется настолько острая вражда к философу². Она чужда Тациту и, вероятно, заимствована Дионом у какого-либо другого историка, может быть, у Плиния.

Отношение Диона к Тациту неясно; мнения новых историков расходятся совершенно³. Близость Тацита и Диона настолько велика, что трудно отказаться от мысли, что латинский историк использован Дионом⁴.

¹ А. Герке, ук. соч., стр. 177 сл.; см. W. Schür, «Клио», XIX, 78.

² Dio, LXI, 10, 1—6; 12, 1; 20, 3; LXII, 2, 2. Совсем иное отношение к Сенеке — в предшествующих книгах (LIX, 19, 7; LX, 8, 5; обвинение Сенеки и Юлии, дочери Германика, в прелюбодеянии изображается плодом усилий Мессалины, жены Клавдия). Любопытно, что между этими группами известий находится 47 год, предполагаемое начало истории Плиния. С использованием историей Плиния нужно связать и то, что LXI книга Диона начиналась 47 годом. То, что последние главы так называемой LX книги не относятся к ней, засвидетельствовано тем, что слова: «...поскольку префекты Криспин и Луций Гета не во всем ей уступали, она их отставила...» (LX, 32, 6a; по Тас., Ann., XII, 42, 1—51 г.), по выдержкам у I. Bekker, Anecdota Graeca, I, 1814, стр. 167, стк. 33; стр. 168, стк. 1—2; стр. 178, стк. 4—7 (см. U. Ph. Boissvain, ук. соч., стр. XXI), принадлежат LXI книге. По мнению A. Gutschmid'a, Kleine Schriften, V, 1894, стр. 562, к которому присоединяется и U. Ph. Boissvain, ук. соч., стр. XXI—XXIV, подкрепляющий это мнение палеографическими соображениями, LXI книга начиналась с 47 г. Причиной этого были, вероятно, не восьмисотый год Рима и не соответствие с предполагаемым началом XI книги Тацита, но то, что с 47 г. у Диона был перед глазами новый источник. Это побудило его разорвать правление Клавдия на две книги и его большую часть соединить с первыми годами правления Нерона.

³ Против пользования Тацитом — H. Schiller, ук. соч., I, 1, 139, за пользование — B. Hize, ук. соч., стр. 368.

⁴ Даже рассказ о войнах Корбулона обнаруживает настолько малое различие между Тацитом и Дионом, что первый исследователь этого вопроса — E. Egli,

Внимание, уделяемое Дионом истории Востока, не велико; в его изложении попадаются грубые ошибки¹. Отношений между Римом и Парфией при Нероне касаются два отрывка: один повествует о походах в Армению (Dio, LXII, 19—23), другой — о приезде Тиридата в Рим². И содержание и дух рассказа принадлежат источнику Диона и только композиция — самому Диону. В настоящее время повествование о парфянской войне состоит из рассказа Ксифилина, частично совпадающего с Валезианскими эксцерптами³ и потому, повидимому, передающего подлинные слова Диона и частично дающего сокращенное изложение всего хода войны (LXII, 19, 1; 20, 1), и из Урсинианских эксцерптов (LXII, 20, 2—23, 4), расположенных впервые в порядке Леуиклавием и содержащих скорее всего текст самого Диона, может быть, слегка измененный. То, что Ксифилин там, где он не совпадает с Валезианскими эксцерптами, сильно сократил текст Диона, следует из сравнения его сообщения с Урсинианскими эксцерптами, ибо упоминаемое им соглашение (LXII, 20, 1) может относиться только к 63 г. (LXII, 23, 1—4). Предполагать какое-либо другое соглашение невозможно потому, что этому препятствует Тацит (Ann., XIV, 26, 1; XV, 1, 1; 4) и что в таком случае совершенно непонятно полное молчание Ксифилина о второй половине войны. Так как Урсинианские эксцерпты содержат подлинный текст Диона, то и конец последнего из них принадлежит ему (Dio, LXII, 23, 4), а это указывает на то, что парфянская война была самим Дионом обработана в виде единого рассказа, который превышал то, что сохранилось в настоящее время, примерно вдвое и был самим Дионом приурочен к 64 г., когда представление об истинной хронологии уже стерлось, но оставалось еще воспоминание о том, что десятое императорское провозглашение как-то связано с парфянской войной. Это подтверждается и тем, что Ксифилин, который верно следовал в порядке изложения за Дионом, излагает историю парфянской войны в одном месте. Что же касается второго рассказа, то он целиком восходит к Ксифилину, текст которого частично совпадает с Урсинианскими эксцерптами (Dio, LXIII, 7, 1) и пополняется извлечениями византийского историка Петра Патриция (Dio, LXIII, 7, 1^a). Судя по размеру рассказа и по эксцерптам Петра Патриция⁴, обнаруживающим лишь незначительные расхождения с текстом Ксифилина, последний здесь очень близок к Диону и оставил первоначальное повествование почти без сокращения. Кроме этих двух рассказов, у Диона имеются некоторые отрывочные известия о восточной политике Нерона, в том числе и о завоевательных замыслах последних лет (LXIII, 8, 1—2).

Таким образом, в основе сохранившейся до настоящего времени традиции о походах Корбулона в Армению лежат записки самого Корбулона, а также отдельные известия, содержавшиеся в трудах историков Клувия Руфа и Плиния Секунда, современников Нерона. Записки Корбулона представляли собой совокупность донесений, отрывков и событий (например, после взятия Артаксаты). Они были использованы вскоре после смерти Нерона Плинием, положившим записки Корбулона в основу своего рассказа о парфянской войне времени Нерона и вставившим материал, даваемый Корбулоном, в анналистическую схему. Одновременно записками Корбулона пользовался, по всей вероятности, для своей истории и Клувий Руф, дополнивший их, однако, сведениями из враждебных Корбулону источников, во всяком случае постольку, поскольку речь шла об оценке действий Корбулона в Риме. В начале II в. записки

ЧРК, I, 335—336 (см. W. S c h u r, «Клио», XIX, 76), считал, впрочем, несправедливо, что оба рассказа находятся в преемственной зависимости.

¹ О Митридите, царе иберов, он рассказывает то, что безусловно относится к Митридату Боспорскому (Dio, LX, 28, 7; 32, 4a; ср. T a c., Ann., XII, 15, 1—24).

² Dio, LXIII, 1—7. Изложение этого отрывка, дополненное материалом из Светония, см. В. С. Сергеев, Дипломатия древнего Рима, «История дипломатии», I, 1941, стр. 79—80.

³ Dio, LXII, 19, 2—4; 23, 5. Из Валезианских эксцерптов — LXII, 23, 6.

⁴ Petr., De sent., 66 = Dio, LXIII, 5, 2—3; Petr., De sent., 67 = Dio, LXIII, 6, 3—4; Petr., De sent., 68 = Dio, LXIII, 7, 2.

Корбулона легли в основу соответствующих частей истории Тацита, который, однако, пользовался, излагая историю парфянской войны, наряду с этим и Плинием и Клувием, главным образом для событий, происходивших в Риме, которые, само собой, не могли быть отражены в записках Корбулона. Тацит критически переработал материал, почерпнутый из записок Корбулона, и вставил его в анналистическую схему, в основном самостоятельно, но, возможно, под некоторым влиянием Клувия. Повествование Корбулона он дополнил сведениями, почерпнутыми из других источников (о событиях в Риме, о военных действиях Пета), главным образом из Клувия, частично враждебными Корбулону. Распределение материала между Корбулоном и Клувием в повествовании Тацита, устанавливаемое по содержанию и по тенденции изложения, в отдельных случаях подтверждается некоторыми формальными признаками. В начале III в. краткий очерк истории парфянской войны был составлен Кассием Дионом, который опирался (как и вообще для времени с 47 г.) на Плиния, но не пользовался самим Корбулоном. Отдельные отрывки Плиния, вставленные в общую анналистическую схему, Дион, сильно сократив их, соединил в один рассказ, но сохранил общий дух повествования Плиния и через него Корбулона, так что характерные особенности корбулоновского рассказа выступают у него лучше, чем у Тацита. Текст Диона, однако, не сохранился полностью, он дошел частично в виде извлечений византийского периода и в сокращении Кеифилина, и это значительно затрудняет суждения о его композиции.

Таким образом, из двух существующих в настоящее время повествований о походах Корбулона в Армению ни одно не может быть признано безусловно превосходящим другое по своим достоинствам. Рассказ Тацита гораздо подробнее, менее тенденциозен и критически лучше обработан; рассказ Диона сохраняет более древний вариант традиции, ближе к духу первоисточника и содержит некоторые детали, отсутствующие у Тацита. Поэтому при выяснении действительного хода парфянской войны 50—60 гг. I в. н. э., ее обстановки и целей, борьбы различных тенденций во внешней политике Рима и Парфии приходится опираться на оба источника, которые взаимно пополяют друг друга, а в тех случаях, когда они расходятся, — решать вопрос в каждом конкретном случае отдельно, исходя и из рассмотренных выше характерных особенностей этих источников и из общей оценки ситуации каждого данного момента.

О. В. Кудрявцев

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ИДЕОЛОГ РАБСТВА

Источники по истории эллинизма сравнительно слабо отражают характер рабовладельческой идеологии этого времени. Среди необозримого количества дошедших до нас папирусов пока не обнаружено ничего, что могло бы в какой-то мере сравниться с произведениями греко-римских идеологов рабства: Платона и Аристотеля, Катона, Варрона и Колумеллы. Поэтому известный интерес представляет книга «Премудростей» Бен-Сиры, содержащая своеобразное сredo восточно-эллинистического рабовладельца. Между тем это интересное произведение не привлекло еще внимания исследователей в плане изучения рабовладельческой идеологии эллинизма.

Книга «Премудрости Иисуса сына Сираха» — по-гречески: *Σοφία Σειράχ* — принадлежит к числу так называемых апокрифов Ветхого Завета. Автор ее — *Ἰησοῦς υἱὸς Σειράχ Ἱεροσολυμίτης*; в сирийской и древнееврейской письменности он именуется Бен-Сирой. Из дошедшего греческого пролога к этой книге видно, что на греческий язык она была переведена в Египте внуком Бен-Сиры с еврейского оригинала (*Πρόλογος*, 5, 10)¹. Книга Бен-Сиры, по общему мнению исследователей, была напи-

¹ Мнение Марголиуса (S. Margoliouth, *The origin of the original Hebrew of the Ecclesiasticus*, L., 1899), что еврейский текст является переводом с греческого оригинала, не разделяется подавляющим большинством исследователей.

сана в первой половине II в. до н. э. (точнее: между 190 и 175 гг. до н. э.), а на греческий язык была переведена в Египте около 132 г. до н. э.¹ До 1896 г. еврейский текст был известен лишь по отрывкам, сохранившимся в талмудической и раввинистической литературе. В 1896 г. в знаменитой каирской генизе были обнаружены листы рукописи, повидимому XI в., содержащие 1064 стиха еврейского оригинала книги Бен-Сирь, из 1616 стихов дошедшего греческого текста².

Книга Бен-Сирь принадлежит к жанру дидактических произведений типа Екклесиаста, Притчей, Иова. Житейская философия Бен-Сирь выражена, по его словам, в строго продуманных морализирующих сентенциях³. Эта декларация о взвешенности (ἐν σταθμῷ) и точности (ἐν ἀκριβείᾳ) его учения (παιδεία) придает особое значение тем местам книги, в которых выражены социально-политические воззрения автора. Утилитарно-религиозная философия Бен-Сирь охватывает важнейшие стороны общественно-политической, социальной и религиозной жизни современного ему общества.

Все учение Бен-Сирь пронизывает проповедь страха перед богом (1, 27; 10, 24—25; 40, 26—28; см. также главы 19, 21, 22 и др.), уничтожения (2, 5), смирения (2, 1), соблюдения законов, почитания жрецов и неукоснительного точного выполнения всех имущественных обязательств перед ними (7, 31—34).

Бен-Сира выступает горячим поборником укрепления патриархальных устоев семьи, власти в семье отца, мужа и старшего брата (см. главы 3, 7, 9, 10, 23, 30, 33 и др.). Забота об укреплении семьи связана с заботой об укреплении устоев рабовладения, так как, по воззрениям древних, семья — основная ячейка рабовладельческого общества — мыслится как единство подвластных главе семьи свободных ее членов и рабов. У Аристотеля, например («Политика», I, 1, 6, перевод С. А. Жебелева), читаем: «Из указанных двух форм общения — мужа и жены, господина и раба — получается первый вид общения — семья»⁴.

Бен-Сира принадлежал скорее всего к среднезажиточному слою рабовладельцев. Об этом свидетельствуют многочисленные выпады против прегрешений богатых: «Богач обидел — и сам же угрожает, бедняк обижен — и сам же упрасивает» (13, 3). Он советует не ссужать деньги более сильному человеку, чтобы не лишиться своей ссуды (8, 12). Но в то же время Бен-Сира отнюдь не является сторонником бедности и противником богатства. В равной степени ему ненавистны и надменный нищий и лживый богач (25, 5: ...πτωχὸν ὑπερήφανον καὶ πλούσιον ψεύστην). Он выступает лишь против злоупотреблений богатых, призывая их к умеренности и смирению. Следует, однако, отметить, что праведного богача Бен-Сира считает счастливым исключением, «чудом»: «Счастлив богач, который оказался безукоризненным и который не гонялся за золотом. Кто он? И мы прославим его, ибо он сделал чудо в народе своем» (29, 8—9).

Хотя Бен-Сира и советует бедным не гоняться за богатством (гл. 31), быть довольными малым (29, 26), он тем не менее утверждает, что богатство и сила возвышают сердце (χρῆματα καὶ ἰσχυρὰ ἀνυψώσουσι καρδίαν — 40, 26), золото и серебро утверждают стопы человека, т. е. прочно ставят его на ноги (χρυσίον καὶ ἀργύριον

¹ См. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, III³, стр. 157 слл.

² В ближайшие после находки годы текст оригинала был неоднократно издан в разных странах; библиографию см. у E. Schürer, ук. соч., стр. 163.

³ ἐκφαίνω ἐν σταθμῷ παιδείαν, καὶ ἐν ἀκριβείᾳ ἀπαγγέλλω ἐπιστήμην «Я обнаружю учение обдуманно и возвещаю знание точное» (16, 25). Текст «Премудростей» Бен-Сирь цитируется по изданию Тисендорфа — Нестле: Vetus Testamentum Graece iuxta LXX interpretes, ed. septima C. Tischendorfi — E. Nestle, I—II, Lipsiae, 1887.

⁴ О том, что в Риме стремление укрепить патриархальные основы семьи было связано с политикой укрепления устоев рабовладения, см. Н. А. Машкин, Принципат Августа, М., 1949, стр. 425; E. M. Штаерман, Рабские коллегии и фамилии в период империи, ВДИ, 1950, № 3, стр. 71—85.